

Д. И. Искрин

На торфяных болотах

**Бытовой очерк по песням,
записанным в Богородском уезде**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д11

Д11 **Д. И. Искрин**
На торфяных болотах: Бытовой очерк по песням, записанным в Богородском уезде / Д. И. Искрин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 38 с.

ISBN 978-5-519-87393-2

ISBN 978-5-519-87393-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На торфяных болотах.

(Бытовой очерк по песням, записанным в Богородском уезде¹).

В Богородском уезде на торфяных болотах работают тысячи, или, вернее, десятки тысяч рабочих. Все они—пришлые,—нанимаются из губерний, особенно нуждающихся в отхожих промыслах: Рязанской, Калужской, Пензенской, Тульской и др. Наем желающих работать производится ранней весной,—обычно великим постом. Представители торфяных предприятий ездят по районам местожительства торфяников и нанимают их при посредстве организаторов артелей, обыкновенно делающихся затем артельными старостами, и раздают напавшимся денежные задатки. После пасхи, в конце апреля или в начале мая, на торфяных болотах приступают к работам.

Начало крупной предпринимательской добычи торфа в Богородском уезде, по рассказам крестьян, положено А. И. Морозовым, скупавшим для этого крестьянскую землю за дешевую копейку: по словам крестьян, торфяные болота покупались им рубля по три за десятину. Совсем без чувства благодарности вспоминают торфяники о первых организаторах предприятий по разработке торфа.

Кто не жил на болоте,
Тот горя не знает;
А мы жили-поживали,
Все горе спознали:
И холод, и голод,—
Великие нужды!..
Мы с Рязани ²⁾ выезжали
Полными возами,
А с Москвы до Рязани
С горькими слезами...
Как с Рязани до Можая
На горку въезжали,—
Как на горке, на горе,
Контора стояла;
Во этой во конторе
Морозов гуляет;
Он гуляет—щеголяет
Со пером—бумагой.
Расписал нам вор—Морозов

¹⁾ Собраны летом 1924 года. На Дальненском и Сокольниковском болотах часть песен собрана мною при участии Т. С. Дмитриева.

²⁾ Песня записана мною от торфяников Рязанской губ.

Разные работы:
Кому каменну, кирпичну,
А мне торфяную!
Посылал нас Морозов
Штабеля складати;
А мы клали-прокладали,
Морозова кляли:
Пропади ты, вор-Морозов,
Со своей работой!
Со своей работой,
Со торфяной болотой!

Старая работница торфяных болот, служившая у Морозова, рассказывала мне, как, бывало, перед началом работ, на Николин день (9 мая), Морозов устраивал молебствие, а после него угощение своим рабочим.

— Бывало, подвыпьем и начнем ему эту песню петь, а он только го-гочет!.. Целый день, до вечера, бывало, слушает наши песни...

Приведенную песню поют и на болотах, принадлежавших другим владельцам; только здесь имя Морозова заменяется именами соответствующих владельцев: Мазурина, Полякова и т. д.

По словам крестьян, работа на торфяных болотах представляется наиболее тяжелой сравнительно с другими промыслами: здесь—непосильные тяжести, постоянная грязь и сырость, а иногда и вода по пояс и т. п. По отзывам лиц, близко стоящих к торфяному делу, малярия, ревматизм и грыжа—обычные последствия антигигиенических условий работы. Местные крестьяне, хорошо знакомые с характером промысла, здесь не работают, предпочитая заниматься какой бы то ни было другой работой, только не этой. Они попадали сюда лишь в голодное время...

Как живет торфяникам, мы можем видеть из их же песен о своей работе и о самих себе. Такие песни создаются ими в изобилии, чему не мало способствует самый характер их быта,—с их артельной сплоченностью и сравнительной свободой от занятий в нерабочее время. Состав песен, посвященных жизни торфяников на болотах, хотя бы последние находились друг от друга на расстоянии нескольких десятков верст, довольно однообразен,—варьируются лишь частности. Этому в значительной мере способствует взаимный между болотами песенный обмен, происходящий ежегодно вследствие перехода некоторых рабочих с одного болота на другое. Конечно, чтобы сделаться известными на различных болотах, чтобы стать, так сказать, общим профессиональным достоянием, песни должны пережить годы и даже десятилетия, как постепенно, целыми десятилетиями, складывался и самый тип торфяников, и весь строй их жизни.

Песнями, переплетается вся жизнь торфяников, начиная от повседневного порядка их работы:

В поле птички не поют,
Нам уроки задают!

Петухи только поют,
Нам уроки задают!

Мы вставаем на заре,
А глаза как у сове!
Хватаем за рамку,
Вспоминаем мамку...

Прогудел гудок на обед,¹⁾
А в бараках девок нет.
Куда-ж они деваются?
На работе запекаются!

Уж на небе солнце село,—
Не пора-ль кончать нам дело?

Ах, клетки все
И ворочки все!
Штабеля покладем
И домой пойдем!

На работу—болят пятки,
А с работы—без оглядки!..

О тяжести торфяной работы частушки сыплются без конца:

Ах, мамаша, поверь дочке:
Болит спина от ворочки!

Уж ты, маменька моя!
Знать тебе меня не жалко?
Если-б жалко меня было,
На болото не пустила-б.

Мы работаем до поту,
Не видать нашу работу;
Мы работали-потели,
Угодить мы все хотели!..

Трудно ходить по ходам,—
Ноги подломляются;
На углах стоят девчонки,
Торфу дожидаются.

Трудно, трудно нагинаться
За черной торфиной;
А труднее подыматься
По ходам с корзиной!

На болоте жить привольно:
От корзинок плечи больно;
На середине повольней,—
Пояснице побольней!

На напем на болоте
Заслужили девки честь:
На руках у них мозоли,
А на ж... больно сесть.²⁾

¹⁾ Где сзывает на работу звонок, там поют: „Звонит звонок на обед“...

²⁾ Вариант:

На болоте я жила,
Наблюдала себе честь!
На руках у меня мозоли,
А на спину больно лечь...

Мать родимая
Без работы нежила,
А чужая сторона
Без ножа зарезала! ¹⁾

На нашем на болоте
Загорожен огород;
Там порезали,
Помучили народ!

Как приеду я домой,
Пожалуюсь маменьке родной:
„Мамушка родимая!
Работа лошадиная!“

Очень часто слышатся жалобы на непосильность задаваемых уроков:

На Ф..... болоте
Десятник Сережка
Задаёт урок большой,—
Говорит: „немножко“...

На С..... болоте
Десятники-кобели:
Задают они уроки
До самой до зари!

На..... болоте
Десятники-сволочи:
Задают они уроки
До самой до полночи!

Довольно полную картину жизни торфяных работников представляет собой следующая песня:

Уж ты, мамка, ты, мамка моя!
Вспомни про меня!
Уж ты вспомни про меня,
Игде дочка у тебя?
На чужой дальней стороне
Обливается слезми!..
А домашние товарки
Все завидуют жизнью!..
Вы пойдемте, девки, с нами:
Вы узнаете про все...
Вы узнаете про все,—
Каково в торфе житье!
На работу рано будят,
Долго хлеба не дают!
На работу мы пойдем,
Слезми торф мы обольем!..

¹⁾ Вариант:

Маменька родимая
Дома не понежила;
Провались она, болота:
Без ножа зарезала!

Оборотимся назад,—
Все десятники стоят;
Все десятники стоят,
Работать девкам велят:
„Вы работайте, девчонки,
Вам домой скоро итить!..“

Под влиянием суровых условий жизни на торфяных болотах в песнях часто поминается „недобром“ и чужедальная сторонушка,—мотив, так хорошо знакомый нам по старинным русским песням.

Уж я взгляну в окошечка:
Все чужая сторонушка!
Уж я взгляну во другую:
Незнакомая чужая!

Пойду - выйду на крылечко,
Голосочком крикну:
Я не здесь рождена,—
Не скоро привыкну!

На чужой сторонушке
Заклюют воронушки!
Без родимой матушки
Заклюют и галочки!

Ка-бы дома я была!..
Лучше-б по морю плыла,
Белы-камушки считала,
Чем чужая сторона!..

Оплата труда торфяников производится сдельно, по количеству выполненной ими работы. Будучи заинтересованы в большем количестве рабочих дней и в большем количестве произведенной работы, чтобы больше получить заработной платы, они тем не менее мечтают о лишнем нерабочем дне, хотя бы благодаря какому-нибудь необыкновенному дождю:

Ах, дождь—поливень,
Со всех деревень!
А на этой на болоте
Чтобы не было работы!..

Поэтому, когда срочная работа отнимает у торфяников дни отдыха—праздники и девушкам приходится обряжаться вместо праздничной одежды в свой обычный рабочий костюм, чтобы браться за свои рабочие корзинки, то они с горечью отмечают:

Нынче праздник воскресенье,—
Я лучше уберусь:
Юбку рваную надену
И веревкой подвяжусь!..

Как обычно бывает в производственных предприятиях, так и на торфяных болотах, по отношению администрации замечается некоторое недовольство и недовольство, а иногда и страх. По крайней мере частушки говорят:

Заведующие идут,
Улыбаются;
Много с нас вычитают—
Не догадаются!

На болоте
Подымается ¹⁾ торфок;
У нас много утаили,
Сами ходят без порток!

Десятник идет,
Сердце забилося...
Стал он ближе подходить,
Клетка развалилася!..

Горькой, незаслужанной обидой отзываются частушки, составляемые по поводу несправедливых упреков слишком расчетливых распорядителей продовольствием в неэкономном, будто бы, расходовании рабочими пищевых продуктов.

На Сокольническом болоте
Много дверью хлопают;
А про девок говорят:
Много хлеба лопают!

Мы к конторе подходили,
Дверями хлопали;
Из конторы отвечали:
Много каши лопаем!

Особенно тяжело живет бедным труженикам, когда питание их поставлено неудовлетворительно и им выдаются не свежие продукты:

Полна, полна коробочка,
Только слушай и молчи!
Как у наших у конторщиков
Чудно бравые харчи!
Щи варят нам с тухлым мясом,
Каша пшенная немытая,
Масло с дегтем пополам;
Чай заварят вместо кохфея;
Корка черствая с водой!..

Должно сказать, что девушка с Сокольнического болота, говорившая нам приведенную песню, заметила, что эта песня к их болоту не относится, так как в настоящее время им выдаются продукты вполне свежие. Впрочем песня о плохом питании не единственная. Частушки говорят:

На болоте жить весело:
Чай попьешь, есть нечего!

Как у нашей у кухарки
Растащили кашу галки!

На М..... болоте
Каши не варят;

¹⁾ Т. е. добывается.

На тухлых на селедках
Там народ морят!

Торфяники-парни, констатируя недостаток на болоте хлеба, утешают себя только тем, что здесь много девушек:

На болоте жить привольно:
Хлеба нет, девок довольно!..

Несомненно некоторые из этих песен являются отголоском еще хорошо памятного недавнего голодного времени...

Непосильный физический труд—лишь одна отрицательная сторона жизни торфяников. Можно сказать: еще больше тревожных переживаний и горя приходится на их долю, особенно на долю молодых девушек, от сердечных увлечений. Одинокие, оторванные от семьи и в то-же время находящиеся постоянно на работе в обществе парней, окружающих их своим вниманием, девушки невольно поддаются соблазнам и верят обманчивым уверениям кавалеров в прочности их любви.

При этом должно отметить, что страдная рабочая пора на торфяных болотах,—весна и лето,—является наиболее благоприятным временем для сближения деревенской молодежи: время хороводов, игр и прогулок в лес и поле... Не даром поется:

Хорошо страдать весною
Под зеленою сосною!

Хорошо страдать весной!
Под ложиной и сосной!

Как сложна и нервозна жизнь девушек на торфяных болотах, можно видеть из следующих слов песен:

Мамаша мне пиша:
На болоте живи тиша!
А я мамушке в ответ:
На болоте тихи нет!

На болоте жимши,
Нельзя не тужимши;
С ребятами спамши,
Нельзя не страдамши!

В виду развращающего влияния на девушек болотного быта и деревенские парни просят не ездить сюда своих милых, чтобы им не измениться к худшему:

Меня миленький ласкает,—
На болото не пускает:
—„Милка милая моя!
Избалуют там тебя!..“

В нерабочее время, в часы отдыха, по песне, обычные картины болотской жизни:

На нашем на болоте
Там бараков не метут;
Как солнце на закате,
Так по парочкам идут...

Голосочек хриповат
Раздается там и тут:
„Приди, милка, на свиданье,
Хоть на десять минут!“

Здесь большой простор для разгула. Любительницы любовных приключений, вспоминая о своем житье на болотах, иногда говорят:

На болоте я жила
Много начудесила:
Троих в море утопила,
Пятерых повесила!

Обычная черта промысловых предприятий: в любовных приключениях девушек-работниц не последнюю роль играет и административный персонал предприятия:

На болоте я жила,
Кладовую мыла;
Кладовщик молодой,
Я его любила.

От барака до конторы
Я похаживала;
За молоденьким десятником
Я ухаживала.

А кто-ж это бачил?
Кто-ж не говорил?
Наш десятник Шурочка в тужурочке
Меня с болота проводил!

В конторе была,
Контору мела;
Конторщик Иван
Посадил меня на диван!

На болоте я жила,
Десятника любила!
Добиралась то того,
Заведующего своего!

Благодаря, можно сказать, ступенной любовной атмосфере, нигде,—ни на фабрике, ни в деревне,—более ярко и полно не выражено, как на торфяных болотах, своеобразное явление современной жизни,—так называемое „страдания“: так называются любовные песни-частушки, а от них и самый обряд распевания этих песенок, почти вытеснивший старинные хороводы. Нигде, как на болотах, чаще не видишь „страдателей“ и не слышишь их песен любви...

В ведении „страдания“ соблюдается известного рода определенный порядок: присутствующие расступаются; в середине образуется свободный круг, куда и выходит игрок с гармонией, а около него располагаются две девушки-солистки. Приступают к „страданию“ с особых начальных куплетов:

— Сыграй, Ваня! сыграй, милый!
Твоя игра с переливом!

начинает девушка-солистка. Ее подруга поддерживает эту просьбу:

— Сыграй, Ваня! сыграй, душка!
Спою я, споет моя подружка...

Иногда к этой обычной просьбе добавляют:

— Ты сыграй веселую, я спою печальную,—
Пусть говорят про меня отчаянную!

Если игрок родной брат девушки-солистки, то последняя заявляет:

Веселая компания:
Брат играет страданища!

Затем начинается пение куплетов, которые и составляют содержание „страдания“. Гармонист играет, а две солистки, медленно кружась около него, поочередно поют, при чем стараются в своих куплетах давать друг другу соответствующие вопросы и ответы. Певицы поют, либо скромно опустив свои глаза вниз, либо устремив их в неопределенную даль. Окружающие для них как бы не существуют. И кажется, что порой они находятся в каком-то экстазе, далеко от окружающей их действительности. В такие моменты поэтического подъема или воодушевления от певиц часто слышатся новые, только что ими сочиненные куплеты. По окончании „страдания“ вновь поются шаблонные заключительные частушки, с благодарностью гармонисту:

Ах, спасибо тебе, милый,
Что сыграл нам с переливом...

Ведение „страдания“ в кругу необязательно: оно часто поется дома или в вагоне,—во время прогулок молодежи и т. п. Во время шествия гармонист обычно идет впереди; его окружают справа и слева девушки-солистки, а остальные следуют за ними парами...

Своего рода дополнением к „страданию“, вносящим в него некоторое разнообразие переменой мотива и ритма, является пляска, сопровождаемая присказкой плясовых частушек в большинстве тоже любовного содержания и даже нередко—эротического характера.

В прежнее время печатались особые наставления, как лучше поступать при любовных знакомствах и как лучше познакомиться с своей симпатией путем переписки. Можно сказать: подобные руководства для нашей молодежи теперь заменяют частушки. Здесь целая наука любовного искусства: неисчерпаемый запас и всякого рода готовых комплиментов, и задорных острот по адресу милых, и едких упреков, и практических советов опытных людей, искусившихся уже в любовных делах...

Вот пример первого объяснения понравившихся друг другу молодых людей:

— Если хочешь со мной водиться,
Давай рядышком садиться!

— Не садись со мною рядом:
Заразишь меня ты взглядом!

— Мой взгляд суровый
На страдание здоровый!

— Твои глаза алмазные,
На страдание заразные!

— Голубые твои глаза
Сердце режут больней ножа!

— Не жми руку мою туго:
Не законная супруга!

— Симпатия! будь моею:
Все отдам,—не пожалею!

Пред нами проходит история любви, начиная с первых, еще невыяснившихся, любовных томлений молодой девушки:

Товарочки, что такое?
Не дает сердце покоя!

Болит сердце, болит моя,—
Я не знаю, по ком она...

Плачут глазки, плачут мои,—
Я не знаю, по ком они...

У выступающих на опасный путь любви как будто вначале сохраняется некоторое благоразумие и осмотрительность:

Не страдала и не буду,—
Без страданья жива буду!

Не мани меня покуда:
Я не знаю, ты откуда...

Мене Ваня в любовь тняя,
А он, сукин сын, обманя!..

Лезу, лезу на березу,
Да боюсь упаду!..
Полюбила я милова,
Да боюсь пропаду!..

С другой стороны, и от доброжелательных подруг слышатся предостережения:

Не любите: я влюблена,—
Моя сердца загублена!

Вы поверьте моему горю:
Я слезами полы мою!

Полюбила я Ванюшу,—
Загубила свою душу...

Не страдала, была бела;
Пострадала,—почернела!

Не страдайте, девчоночки:
Посохните, как елочки!

Не страдайте, девки, даром:
Все страдания с обманом!